

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕГЕЛЯ

Мировая философия 27 августа отмечает юбилей одного из самых мощных и глубоких умов – Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Наш журнал не мог остаться в стороне. В этом номере публикуются работы авторов из Австралии, Украины и России, освещающие разные стороны гегелевского философского наследия. Все они написаны с позиций культурно-исторического прочтения Гегеля, основы которого заложил выдающийся советский философ Эвальд Васильевич Ильенков. Редакция «Номотетики» выражает надежду, что эти работы внесут свою лепту в осмысление богатого гегелевского наследия.

ON THE 250TH ANNIVERSARY OF HEGEL'S BIRTH

On 27 August world philosophy celebrates the anniversary of one of its most powerful and deepest minds – Georg Wilhelm Friedrich Hegel. Our magazine could not stand aside. This issue publishes works by authors from Australia, Ukraine and Russia, covering different sides of Hegel's philosophical heritage. All of them are written from the standpoint of cultural-historical reading of Hegel, the foundations of which were laid by the outstanding Soviet philosopher Ewald Vasilyevich Ilyenkov. The editorial board of "Nomothetica" expresses the hope that these works will contribute to the understanding of Hegel's rich heritage.

УДК 130.121:140 (430) «XIX»
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-393-399

Категории «рассудок» и «разум» в «феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля

Возняк В.С.

Дрогобычский государственный педагогический университет им. Ивана Франко
Украина, 82100, Львовская обл., г. Дрогобыч, ул. Ивана Франко, 24
E-mail: volim_s@ukr.net

Аннотация. Рассмотрены особенности гегелевской концепции рассудка и разума в работе «Феноменология духа» в сопоставлении с тем измерением содержания этих категорий, который представлен в «Науке логики». В «Феноменологии духа» категории «рассудок» и «разум» играют несколько иную роль, чем в «Науке логики», поскольку рассматриваются не как одновременные моменты самодвижения мышления, а как необходимые формообразования духа (включая этап самосознания) на пути овладения последним самим собой как *полноценной истиной* бытия.

Ключевые слова: рассудок, разум, самосознание, дух, представляющее сознание.

Для цитирования: Возняк В.С. 2020. Категории «рассудок» и «разум» в «феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 393–399. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-393-399

The categories of «reason» and «intelligence» in Hegel's «Phenomenology of Spirit»

Vladimir S. Voznyak

Drohobych state pedagogical university named after Ivan Franko
24 Ivan Franko St, Drohobych, 28100, Ukraine
E-mail: volim_s@ukr.net

Abstract. The article discusses the features of the Hegelian concept of mind and reason in the work «Phenomenology of the spirit», in particular, in comparison with the measurement of the content of these categories, which is presented in the «Science of Logic». In the «Phenomenology of the Spirit», the categories «reason» and «mind» play a slightly different role than in the «Science of Logic», since they are considered not as simultaneous moments of self-movement of thinking, but as necessary formations of the spirit (including the stage of self-consciousness) on the path to mastering the latter by itself as a full truth of being.

Key words: reason, mind, self-consciousness, spirit, representing consciousness.

For citation: Voznyak V.S. 2020. The categories of «reason» and «intelligence» in Hegel's «Phenomenology of Spirit». NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 393–399 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-393-399

Введение

В философии Г.В.Ф. Гегеля мы встречаемся с наиболее системно разработанной концепцией рассудка и разума во всей западноевропейской философии. Гегель продолжает традиционное для его непосредственных предшественников (И. Канта, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга) различие рассудка и разума, но уже на почве сознательно выраженного и тщательно категориально отрефлексированного *диалектического способа мышления*. Гегель отнюдь не отвергал рассудок как необходимый тип мышления, однако пытался его *понять*, то есть – увидеть глазами разума. Он писал: «Уразумение того, что диалектика составляет природу самого мышления, что в качестве рассудка оно должно впасть в отрицание самого себя, в противоречие, уразумение этого составляет одну из главных сторон логики» [Гегель, 1974, с. 96].

Гегелевское понимание содержания категорий «рассудок» и «разум» анализировалось в различных трудах отечественных и зарубежных авторов, рассмотрение же этих категорий в «Феноменологии духа» Гегеля можно найти в исследованиях А. Кожева, Ж. Валья, И.С. Нарского, А.Г. Погоняйло, В.И. Шинкарука, Н.В. Мотрошиловой и др.

Целью данной статьи является экспликация того содержания соотношения рассудка и разума в этом гегелевском труде, который до сих пор недостаточно артикулирован.

Гегель о рассудке

Следующие рассуждения Гегеля из «Предисловия» к «Феноменологии духа» часто цитируют, но не всегда адекватно понимают: «Рассудочная форма науки – это всем предоставленный и для всех одинаково проложенный путь к ней, и достигнуть при помощи рассудка разумного знания есть справедливое требование сознания, которое приступает к науке, так что рассудок есть мышление, чистое "я" вообще; и рассудочное есть уже

известное и общее для науки и ненаучного сознания, благодаря чему последнее в состоянии непосредственно приобщиться к науке» [Гегель, 1959, с. 7]. По моему мнению, эти слова следует понимать *сугубо конкретно*: прежде всего здесь Гегель выступает против некоторой эзотерики Шеллинга и его последователей. Однако вряд ли сам Гегель серьезно считает, что именно *с помощью рассудка* можно подняться до уровня его собственной, гегелевской, Науки и что именно почтенному рассудку стоит поручать *дело адекватного восхождения* ступеньками «Феноменологии духа» как науки об опыте сознания. При этом, как известно, Гегель отнюдь не ограничивает себя в инвективах в адрес рассудка, *здорового смысла* именно в «Предисловии».

Итак, Гегель отнюдь не утверждает, что «рассудочная форма науки» – самая правильная и единственно необходимая, он говорит иное: *нельзя пренебрегать* такой формой, чтобы изучить науку, *нельзя пренебрегать рассудком на пути* восхождения к разуму. Ведь рассудочность является разумностью лишь в качестве «некоторого становления» [Гегель, 1959, с. 30]. Опора на рассудок – «справедливое требование сознания». *И не более.*

В немецком языке слово «Verstand» (рассудок) происходит от глагола «ver-stehen» – понимать. Русское же «рассудок», по мнению П.П. Гайденко, более соответствует немецкому «Urteil» – суждение [Гайденко, 1979, с. 81]. Понимание, способность мышления как способность владеть понятиями Кант, Фихте и Шеллинг связывают именно с рассудком (Verstand). Гегель же делает радикальный поворот в переосмыслении *самого понимания*: на уровне рассудка мы еще не имеем дела с понятием как таковым, здесь – лишь общие представления. Понять же, выразить в понятии, по Гегелю, – значит преодолеть рассудочную односторонность и схватить внутреннее единство различных (в том числе и противоположных) определений в высшей форме понимания, в спекулятивном разуме.

Как известно, Шеллинг не смог понять новой философии своего старого друга. Преодолев лишь Предисловие к «Феноменологии духа», Шеллинг пишет Гегелю: «<...> я признаю, что не понимаю смысла того, почему ты противопоставляешь *понятие* интуиции (Anschauung). Не можешь ведь ты подразумевать под понятием нечто иное, чем то, что мы с тобой называем идеей, которая, с одной стороны, является понятием, а с другой – интуицией» (здесь и далее курсив наш. – В.В.) [Шеллинг, 1971, с. 283]. Однако в своих «Мюнхенских лекциях по истории новой философии» Шеллинг вообще оценивает философию Гегеля как «эпизод» и довольно резко противостоит гегелевскому пониманию «понимания». Он высказывается вполне определенно: «<...> тот, кто хочет подняться над всеми естественными понятиями под предлогом того, что это лишь конечные рассудочные определения, сам лишает себя всех органов понимания, ибо понятным нам может все лишь в этих формах» [Шеллинг, 1989, с. 528]. Итак, Шеллинг остается на своей позиции: *понять* – значит выразить в *рассудочной* форме; рассудок – *орган понимания*.

Гегель же «изобретает» другой, сверх-рассудочный «орган понимания» – «спекулятивное понятие» как *истинную форму движения ума*, благодаря которому мы и становимся способными в истинном смысле слова *понимать*.

Если слово «Verstand» (рассудок) происходит от глагола «ver-stehen», то «Vernunft» (разум) – от «vernehmen» (внимание). А.В. Ахутин пишет: «Только *феноменологически* выученный и настроенный слух услышит в греческих νοῦς (обычно переводимые как *ум, мышление*) прежде vernehmen – *восприятие, в-нимание*; тот же слух заметит и простейшее: «сам» Vernunft (*Разум*) произведен от этого vernehmen (*внимание*)» [Ахутин, 2007, с. 178].

В «Феноменологии духа» рассудок и разум предстают как определенные формообразования сознания на пути его движения к абсолютному знанию. В «Логике» же эти категории имеют несколько иное толкование: они являются моментами развертывания самого логического. Гегель выделяет три стороны логического: абстрактная, или рассудочная; диалектическая, или отрицательно-разумная; спекулятивная, или положительно-разумная. Причем эти моменты существуют одновременно. «Логическое» у Гегеля, по мнению Александра Кожева, означает не логическое *мышление* само по себе, а *Бытие*, раскрытое (правильно) в мышлении и посредством мышления, или речи (*Логос*). «Три

упомянутые «момента» – это, стало быть, прежде всего моменты самого Бытия, *онтологические*, а не логические или гносеологические категории, и уж конечно, не просто ухищрения исследовательского *метода* или способа изложения» [Кожев, 2003, с. 554].

Итак, Гегель ни в «Феноменологии духа», ни в «Науке логики» отнюдь *не исключает* рассудок. Правда, Ф. Энгельс считал, что «больше всего Гегель презирал рассудок, а что это такое, как не разум, фиксированный в своей субъективности и единичности» [Энгельс, 1960, с. 476].

Чувственная достоверность, восприятие, рассудок являются формообразованиями сознания, *просто сознания*, «внешнего сознания», по выражению А. Кожева. Рассудок поднимается к восприятию закона, внутреннего вещей, различает чувственное и сверхчувственное. Однако Гегель тут же замечает: «это внутреннее различие пока лишь исходит от *рассудка* и еще не *установлено в самой сути дела*. Следовательно, рассудок провозглашает лишь *собственную* необходимость, – различие, которое он, следовательно, проводит, только выражая в то же время, что это различие не есть *различие самой сути дела*» [Гегель, 1959, с. 84].

Итак, провозглашение лишь «*собственной* необходимости» при неспособности воспринять и выразить *объективную* необходимость развития существа дела, проведение различения, которое не является «*различием самой сути дела*» – особенность рассудка как *собственно рассудка*. Дело в том, что рассудочная форма как таковая не рефлектирует внутри себя как *содержательно* определенная. Она не рефлектирует субъекту, действующему в пределах такой – рассудочной – формы, своей культурно-человеческой, исторической определенности. Именно в этом – огромная *сила, мощь и преимущество рассудка*, и именно в этом – серьезная *опасность*, когда рассудок вторгается в запретные для него сферы. Рассудок твёрдо держится именно *своей* формы, а посему откровенно безразличен к нравственным и эстетическим измерениям человеческого бытия. *Разумная* же форма рефлектирует внутри самой себя своей бытийственной (субстанциальной) *содержательностью*, она репрезентует (и презентует – ибо *дарит*, а не отдает на временное потребление, пользование, функционирование) субъекту его *собственное культурно-историческое бытие*.

Гегель отдает рассудку *должное*, – но *не более того*. «Деятельность разложения [на составные части] есть сила и работа *рассудка*, изумительнейшей и величайшей или, лучше сказать, абсолютной мощи. Неподвижный, замкнутый в себе круг, как субстанция содержащий свои моменты, есть отношение непосредственное и потому не вызывающее изумления. Но в том, что оторванное от своей сферы акцидентальное как таковое, в том, что связанное и действительное только в своей связи с другим приобретает собственное наличное бытие и обособленную свободу, – в этом проявляется огромная сила негативно; это – энергия мышления, чистого "я". Смерть, если мы так назовем упомянутую недействительность, есть самое ужасное, и для того, чтобы удержать мертвое, требуется величайшая сила. Бессильная красота ненавидит рассудок, потому что он от нее требует того, к чему она неспособна. Но не та жизнь, которая страшится смерти и только бережет себя от разрушения, а та, которая претерпевает ее и в ней сохраняется, есть жизнь духа» [Гегель, 1959, с. 17]. Целостная жизнь духа как духа, конечно же, допускает, терпит, но главное – *претерпевает* рассудок.

В чем же природа этого абсолютного могущества рассудка? В первую очередь – в сплошной ориентации на абстрактно-общее и, соответственно, на использование. Рассудок не знает и знать в принципе не может своей меры, посему от является откровенно *своемерным*. Своеремерие – логика рассудка, его царство, его *кодекс чести*. Ведь сфера абстрактно-общего поистине вездесуща: любую конкретность можно редуцировать к абстрактному. Это ведь *огромная, страшная сила – мерять* (исчислять, просчитывать, раскладывать по полочкам, файлам и папкам) *всё*, не ведая при этом своей действительной, объективной *меры*, пределов применимости. Именно здесь, именно в этом – истоки самых существенных преимуществ рассудка, способного «отрывать» и работать «в отрыве», самостоятельно, не взирая на иные измерения и проявления человеческого бытия. Потому

рассудочное как таковое способно, в конце концов, работать и *без непосредственного участия* человека – в первую очередь в современных информационных системах и технологиях. Сила рассудка – в абстрагировании и в оперировании абстракциями, среди которых он чувствует себя как рыба в воде. Рассудок предстает способностью человека осуществлять деятельность, *абстрагируясь* как от смысловых, культурно-исторических измерений осваиваемой и преобразуемой реальности (в рассудочном деле – используемой реальности), так и от собственной общественно-исторической (то бишь – человеческой) сущности. Подобная «отстраненность» рассудка никоим образом не препятствует его «приземленности», наоборот: именно она и позволяет ему быть нашим надёжным поводырем в мире вещей повседневности.

В этом смысле рассудок, как замечает Н.В. Мотрошилова, является «комплексным, сложным гештальтом духа, но это пока своего рода слепой гештальт» [Мотрошилова, 1984 с. 158]. Рассудок осуществляет процедуры абстрагирования, но сам попадает в плен игры объективированных абстракций. Слепота рассудка прежде всего состоит в том, что он, вместе и со своими предшественниками («чувственной достоверностью» и «восприятием») относится к предмету как к *внешней вещи* и не узнает себя в действительности. Александр Кожев так определяет эту принципиальную особенность «внешнего сознания»: «сознавая *предмет, Мир*, в котором он живет, человек не знает, что тем самым он осознает самого себя. Он не отдает себе в этом отчета, потому что не знает, что он *есть* свое Действие и что он *есть* в своем произведении, что его произведение и *есть* он сам. И, не зная этого, он думает, что произведение или предмет – это некоторое *Sein*, определенное и устойчивое, существующее независимо от него, нечто ему противопоставленное. <...> Таким образом, этот предмет представляется ему <...> некоей *определенной*, постоянной, неизменной сущностью, осязаемой конкретной формой. Соотнося себя *таким образом* с произведением, он и себя самого понимает как <...> определенность и Gestalt (форму, образ); в таком случае для себя самого Человек становится наличной устойчивой *вещью*, обладающей определенными постоянными качествами» [Кожев, 2003, с. 294].

Гегель о разуме

На уровне рассудка и только рассудка человек не осознает, что окружающая его предметность так или иначе является собственно *человеческим* миром, в том числе – и результатом человеческого труда. Рассудок, считает А. Кожев, из принципа тождества полностью и правильно раскрывает налично-данное-Бытие или естественную Реальность, то есть природный мир, но при этом исключая человека и его мир, социальный или исторический [Кожев, 2003, с. 584].

В отличие от рассмотрения категорий «рассудок» и «разум» в рамках «Логики», – в «Феноменологии духа» между рассудком и разумом расположена такая необходимая «станция» движения духа, как *самосознание*. Переход от рассудка к разуму, от сознания к самосознанию – это выяснение *истины*, содержащейся в достоверности представления. Достоверность – это не истина, истина в ней скрыта: «*онтологически* проблема восприятия (восприятия как онтологическая проблема) формулируется в вопросе: насколько адекватно мыслим мы бытия, если мыслим его как восприятие вещей? Этот вопрос приводит нас в «царство рассудка» (in das Reich des Verstandes), в котором после долгих мытарств сознание, которое было еще до сих пор «предметным» или «вещным», т. е. рассматривающем предмет как нечто себе противопоставленное, вынуждено поставить под вопрос саму эту противопоставленность, усомниться в ее изначальности и безусловности. Тем самым оно встает на путь превращения в самосознание» [Погоняйло, 2003, с. 776]. В самосознании граница между сознанием и предметом стирается, хотя тут же и восстанавливается, но уже не как непреодолимая: она преодолевается именно тем, что *снимается*, сознание удостоверилась в том, что вся реальность – в нем, и вся (целая) реальность – оно само.

А здесь уже мы можем иметь дело с таким формообразованием духа, как *разум*. Гегель пишет: «разум стремится *знать* истину, найти как понятие того, что для мнения и

воспринимания есть вещь, то есть обладать в вечности только сознанием себя самого. Разум теперь проявляет общий *интерес* к миру потому, что он есть достоверность того, что он наличествует в мире, или что наличность – разумна. Он ищет свое «иное», зная, что обладает в нем ничем иным, как самим собой; он ищет только свою собственную бесконечность» [Гегель, 1959, с. 129]. Однако этот разум является пока весьма абстрактным – он просто наблюдает. Наблюдающий разум – это не тот разум, который полностью осуществился. Это разум, исключенный из деятельности, чисто пассивное, но – разумное, созерцание. Следовательно, это еще не является адекватно осознающим себя разумом; в таком состоянии ему не подняться к духу, и он не идет далее понятия Жизни. Перед нами *абстрактный разум*. Человек такого разума не осознает себя конкретным индивидом, потому что наблюдающий разум является разумом отдельного, асоциального индивида, едва распознаваемого на фоне чисто биологической жизни. Человек такого разума не знает истории, его жизнь является лишь абстрактной жизнью Мира, и мир для него – лишь Природа. Разум, наблюдает, верит, что мир интересует его сам по себе, и он способен найти сущность вещей как вещей. Следовательно, он не понимает сам себя [Кожев, 2003, с. 98].

Рассудок созерцает, и разум созерцает, – точнее, – наблюдает, но более внимательно (внимание – *vernehmen*) по отношению к самой сути вещей, стараясь не привносить чего-то только своего; рассудок же, в конце концов, как мы уже знаем, провозглашает *лишь собственную* необходимость.

В то же время деятельностный характер присущ как разуму, так и рассудку: «разум есть *целесообразное действие*» [Гегель, 1959, с. 11]. Только Трудом порождается Мышление и Рассудок, то есть концептуальное постижение Мира [Кожев, 2003, с. 469].

Гегель отмечает, что не просто «*в себе*», но именно «*для себя*» человек является собственно человеком «только как развитый ум, который *превратил* себя в то, что он есть *в себе*. Лишь в этом состоит действительность разума.» [Гегель, 1959, с. 11]. Преобразование того, что есть «в себе», в состояние «для себя» является делом именно разума, потому что *понять самого себя* (ту истину, что содержится в самом себе) – это уже *Vernunft* [Кожев, 2003, с. 82]. Разум в «Феноменологии духа» оказывается *единством сознания и самосознания*, однако такое единство само движется и развивается, поскольку высший и окончательный синтез сознания и самосознания, по Гегелю, возможен лишь как *абсолютное знание*, Наука. Из абстрактного состояния разум должен подняться к конкретному своему бытию, сбыванию, осуществлению, а это уже – *дух*.

Гегель в «Феноменологии духа», по мнению О.Г. Погоняйло, выступает как первый критик всей новоевропейской парадигмы, то есть – пресловутого *представляющего мышления*. Таким образом Гегель десубстанциализует сознание.

Представляющее мышление (мышление представления, так или иначе – рассудок) работает по модели «субъект – объект». Разумная (спекулятивная) мысль разрушает эти *две отдельные самобытности*, полагая развертывание одной – *самого бытия* сквозь человека и в человеке, собственно – человеком. Здесь самобытие человека тождественно самобытию самого бытия.

Для *представляющего* сознания представленное является чем-то отличным от сознания, но в *понятии* это различие оказывается внутри сознания. По Гегелю, в мышлении предмет движется не в представлениях или образах, а в *понятиях*, т.е. в некотором различаемом в-себе-бытии, которое непосредственно для сознания от него же не отличается. «Представляющее сознание представляет себе себя как некую сущность, субстанцию, противопоставленную субстанции вещей. В разумном самосознании, или мышлении, эта противоположность снята, т. е. сохранена как противоположность *внутри* мышления. <...> Сознание тогда самостоятельно, когда оно сознает свою несамостоятельность, знает себя сознанием вещей, тогда она, мысль «иное себя», остается у себя дома. Субстанциальность сознания в том, что оно есть чистое опосредование, а не какой-то «мыслящая субстанция»» [Погоняйло, 2003, с. 787].

Заклучение

Таким образом, в «Феноменологии духа» категории «рассудок» и «разум» играют несколько иную роль, чем в «Науке логики», поскольку рассматриваются не как одновременные моменты самодвижения мышления, а как необходимые формообразования духа на пути овладения последним самим собой как *полноценной истиной* бытия. Станция «рассудок» является необходимым этапом такого становления для того, чтобы подготовить почву для перехода к разуму, не минуя при этом *всех мытарств самосознания*. Для того, чтобы, – вспомним Гегеля: «быть в своем *бытии* своим *понятием*» [Гегель, 1959, с. 35], необходимо войти в ситуацию подлинно «своего» – своего бытия, осознанного *своего* бытия, т. е. войти в *артикулированное самосознание*. Однако и «разум» не является ни конечным пунктом, ни чем-то *заранее приготовленным* для вхождения субъективного сознания в его подлинный эйдос, – разум является не просто *этапом, состоянием, формой*. Разум – это определенный *способ самодвижения субъекта* в процессе создания и адекватного осознания как мира, так и собственной сущности.

Список источников

1. Гайденко П.П. 1979. Философия Фихте и современность. М., Мысль, 281 с.
2. Гегель Г.В.Ф. 1959. Феноменология духа. Соч. Т. IV. М., Изд-во соц.-эк. л-ры, 440 с.
3. Гегель Г.В.Ф. 1974. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т.1. М.: Мысль, 452 с.
4. Шеллинг – Гегелю. 1971. Мюнхен, 2 ноября 1807 г. В кн.: Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М., Мысль, 283 с.
5. Шеллинг Ф.В.Й. 1989. К истории новой философии (Мюнхенские лекции). Соч.: в 2 т. Т. 2. М., Мысль, С. 387–560.
6. Энгельс Ф. 1960. Александр Юнг. Лекции о современной литературе немцев. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: изд. 2-е. Т. 1. М., Политиздат, С. 473–483.

Список литературы

1. Ахутин А.В. 2007. Античные начала философии. СПб., Наука, 783 с.
2. Кожев А. 2003. Введение в чтение Гегеля. СПб., Наука, 791 с.
3. Мотрошилова Н.В. 1984. Путь Гегеля к «Науке логики». Формирование принципов системности и историзма. М., Наука, 351 с.
4. Погоняйло А.Г. 2003. В дополнение к переводу. В кн.: Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб., Наука, 760–791.

References

1. Akhutin A.V. 2007. Antichnye nachala filosofii [Antique principles of philosophy]. SPb., Publ. Nauka, 783 p.
2. Kozhev Aleksandr. 2003. Vvedenie v chtenie Gegelya [Introduction to Hegel's reading]. SPb., Publ. Nauka, 791 p.
3. Motroshilova N.V. 1984. Put Gegelya k «Nauke logiki». Formirovanie rincipov sistemnosti i istorizma [Hegel's path to the «Science of Logic». The formation of the principles of systematicism and historicism]. M., Publ. Nauka, 351 p.
4. Pogonyajlo A.G. 2003. V dopolnenie k perevodu [In addition to translation]. In: Kozhev Aleksandr. Vvedenie v chtenie Gegelya. SPb., Publ. Nauka, 760–791.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Возняк Владимир Степанович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии им. профессора В.Г. Скотного Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко, г. Дрогобыч, Украина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Voznyak Vladimir Stepanovich, doctor of philosophy, Professor, head of the Department of philosophy named after Professor Valery Grigoryevich Skotny Drohobych state pedagogical University named after Ivan Franko, Drohobych, Ukraine